

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Го Вэй на тему:
«Классическая китайская литература и философия в творчестве В.О. Пелевина»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

В центре внимания диссертационного исследования Го Вэй – «китайский текст» в произведениях Виктора Пелевина, который, по мнению диссертанта, «интересуется всем, что связано с Китаем: древней китайской философией, литературой, фольклором, мифологией и обрядностью, даже современным китайским кинематографом» (с. 6). Го Вэй ставит целью «систематизировать, прокомментировать и осмыслить элементы классической китайской литературы и философии в творчестве В.О. Пелевина» (с. 9), которые, несмотря на наличие отдельных исследований, освещены неполно и недостаточно. Закономерно задачей исследования становится раскрытие в произведениях Пелевина философского подтекста, связанного с даосизмом и дзен-буддизмом, а также обнаружение интертекстуальных связей с китайской литературой. Диссертант фокусирует внимание на многочисленных реалиях, цитатах и реминисценциях, что позволяет не только представить Пелевина как знатока китайской культуры, но и, эксплицировав китайские подтексты творчества писателя, прояснить лейтмотивы анализируемых произведений, в частности соотношение реального и иллюзорного миров. Удачно выбран материал исследования: рассказы Пелевина 1990-х годов («СССР Тайшоу Чжуань», «Нижняя тундра»), рассказ «Запись о поиске ветра», вошедший в книгу «ДПП (НН)» (2003), и роман «Священная книга оборотня» (2004). Связь этих произведений с китайской культурой, философией и литературой очевидна. Го Вэй последовательно подвергает названные произведения анализу в трех главах диссертации, раскрывая китайский философский и литературный подтекст. Следует отметить продуктивность предложенного в диссертации подхода: обращение к произведениям Пелевина, в которых китайская тема находится на поверхности, несомненно способствует пониманию ключевых моментов и мотивов других произведений Пелевина, в том числе тех, где китайский подтекст оказывается глубоко спрятанным. Раскрытие же интертекстуальных связей выбранных рассказов и романа «Священная книга оборотня» с китайскими источниками позволяет говорить о межкультурном диалоге России и Китая в творчестве писателя.

Работа Го Вэй чрезвычайно интересна и насыщена детальным комментарием присутствующих в пелевинском тексте реалий китайской культуры, аллюзий на

классическую китайскую литературу, понятий даосской и дзен-буддистской философских традиций. Как верно отмечает диссертант, уже самые ранние рассказы писателя свидетельствуют о его глубоком знании китайской классической литературы и философии. Первая глава диссертации посвящена китайским литературным источникам рассказа «СССР Тайшоу Чжуань» (1991), повествующем о китайском крестьянине Чжане Седьмом, во сне оказавшемся в СССР и более десяти лет занимавшем там руководящие посты. Реальности в рассказе вкладываются одна в другую по принципу матрешки; Пелевин, по словам Го Вэй, «создает три мира: мир, в котором торгует Люй Дун-бинь, мир в его чайнике [...] и мир во сне Чжана» (с. 46). Рассказ Пелевина, как известно, восходит к новелле китайского писателя IX века Ли Гунцзо «Правитель Нанкэ», герой которой Чуньюй Фэнь, заснув под акацией, проживает во сне целую жизнь. Действительно испытания Чжана в Советском Союзе похожи на испытания Чуньюя, совпадает и то, что тела героев в реальности не перемещаются, в то время как сознание входит в пространство сна. Го Вэй, сравнивая пространственно-временную структуру названных произведений, делает глубокие наблюдения, в частности, что трансформация времени, когда за несколько мгновений в одной из реальностей проходит несколько лет в другой, создает особый эстетический эффект, напоминающий «знакомому с китайской культурой читателю удивительную историю о том, как быстро проходит время у наблюдателя за тем, как небожители играют в го» (с. 26). Впрочем, Пелевин, как считает диссертант, преобразует сюжет китайской новеллы, преследуя отличные от Ли Гунцзо цели: в то время как 'сон в Нанькэ' есть способ уйти от реальности в мир мечты, 'сон в СССР' – это возможность «в гиперболизированной форме показать необходимость перестройки советского 'муравейника'» (с. 170). Внимательное прочтение пелевинского текста позволяет диссертанту обнаружить и доказать присутствие в нем других произведений древнекитайской литературы, в которых возникает мотив сна, а также найти в тексте даосские мотивы, в частности известную притчу Лао Цзы о тридцати спицах в колесе.

Не менее интересен предпринятый в первой главе анализ рассказа Пелевина «Нижняя тундра» (1999) о китайском императоре, оказавшемся в России в облике обычного человека. Го Вэй интерпретирует все события рассказа как происходящие во сне, в который (опять-таки по принципу матрешки) вкладывается другой сон. Вдумчивый пошаговый анализ позволяет соискателю сделать много тонких наблюдений, в частности, установить аналогию с даосскими главами в книге «Гуань-цзы» и увидеть в Москве «пространство утраты духовности, одновременно реальное и иллюзорное» (с. 82). Прочитывая пелевинский текст через коды китайской культуры, Го

Вэй выдвигает предположение, что мысли писателя «об обратимости видимости и реальности, жизни и сна не были его собственным изобретением, а восходят к весьма древним источникам» (с. 86).

Во второй главе предметом анализа становится один из самых философских рассказов Пелевина – «Запись о поиске ветра». Го Вэй связывает эпистолярную форму рассказа – письмо ученика учителю – не столько с влиянием конфуцианства, сколько с проявлением даосизма и детально рассматривает китайские реалии: имя учителя Цзян Цзы-Я, Желтые горы, порошок пяти камней и т.д. В этой главе, как, впрочем, и в других главах, много исследовательских находок. Го Вэй интерпретирует пелевинский текст в свете ключевых понятий китайской мысли, среди которых «деяние без борьбы», пустота, Путь. По словам диссертанта, герой рассказа Пелевина «пытается написать литературный труд о постижении Пути и в результате приходит мысли о том, что любое добавление очередного символа (образа, слова) будет все дальше отодвигать его от истины» (с. 123). Пелевин здесь адресуется к историям «Священных книг без письменных знаков» и «Священных книг с письменными знаками» из древнекитайского романа «Путешествие на Запад», и, как предполагает Го Вэй, считает отсутствие письменных знаков единственно возможным повествованием о сокровенном.

В третьей главе, посвященной китайским культурным элементам в романе «Священная книга оборотня», Го Вэй, обратившись к образу лисы-оборотня в китайской литературе и искусстве, демонстрирует, как Пелевин осмысляет и интерпретирует разные аспекты этого образа. Особо ценными здесь представляются наблюдения над использованием в романе дзен-буддистской философии. Диссертант находит переключки рассуждений героев о Радужном Потоке с отрицанием авторитета слов и письменных знаков дзен-буддистами, считающими, что учение не может передаваться с помощью языка.

В Заключении диссертации Го Вэй приходит к значимому выводу, что многие выраженные в произведениях Пелевина мысли восходят к древним китайским источникам, а потому «без подробного научного комментария китайских реалий, понятий, идиом, мифологем, обычаев и обрядов, упоминаемых в произведениях Пелевина, понимание этих текстов оказывается невозможным» (с. 172). Использование же интертекстуального подхода позволяет диссертанту раскрыть восприятие писателем китайской культурной и философской традиции. Го Вэй ставит перед собой ряд сложных задач по созданию всеобъемлющего межкультурного комментария к произведениям Пелевина и успешно их решает, позволяя тем самым переосмыслить подходы к изучению пелевинского текста, многие черты которого, например соотношение

реальности, иллюзии и сновидения или личного и безличного, оказываются не только элементами постмодернистского видения мира и постмодернистской стратегии, но способами выражения идей даосизма и дзен-буддизма. В целом следует отметить выстроенность и доказательность проведенного в диссертации анализа, широту обзора, тонкость и изящество наблюдений, убедительность многих интерпретаций, проникновение в тонкости восприятия и интерпретации китайской культуры Виктором Пелевиным.

Наряду с несомненными достоинствами в диссертации есть несколько дискуссионных моментов. Так, Го Вэй, рассматривая обращение Пелевина к китайской культуре и философии, видит в них определенные авторские интенции. По мнению диссертанта, за этим обращением стоит надежда, что, «пережив серьезный политический кризис, страна сможет быстро восстановиться и пойти по ‘правильному’ пути» (с. 39), а также стремление «пробудить трезвое отношение к реальности в своем народе» (с. 32), создать свой собственный «сон в Наньке» для «обличения пороков реальности» (с. 36), изобличить «пороки политической системы, равнодушие коррумпированных чиновников» (с. 40), залечить «душевные раны советского общества, вмиг ставшего постсоветским, при помощи снадобий совсем другой культуры» и «увести своих современников от жизненных невзгод и неприятностей за пределы реального мира» (с. 49). Подобная интерпретация авторских интенций вскрывает несколько проблем, возникающих при интертекстуальном анализе, в частности необходимость учета «модуса художественности» (В.И. Тюпа), в первую очередь – иронического. Ирония играет важную роль в пелевинских текстах; попытки же интерпретировать Пелевина вне категории иронии, приписывая ему наличие определенных установок, выглядят неубедительно.

Другой проблемой интертекстуального анализа является полиинтертекстуальность, или полигенетическая интертекстуальность. Виктор Пелевин, как и Владимир Набоков, нередко играет на пересечении нескольких претекстов. Одним из наиболее ярких примеров этой игры является одновременное сочетание аллюзий на персонажей греческой и скандинавской мифологии в романе «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре». А в «Записи о поиске ветра» наряду с отсылками к даосизму присутствуют аллюзии на «Пещеру» Платона. Так, к Платону отсылает описание фокусника, «который, сидя перед лампой, складывает пальцы в сложные фигуры, так, что на стене появляются тени зверей, птиц, чертей и красавиц», а также упоминание темницы, на стене которой «можно изобразить истину, открывающуюся тому, кто вышел за тюремные ворота». Аналогичным образом мотив опьянения, в том числе

наркотического, у Пелевина восходит не только к даосизму, но также к суфизму, психоделическим опытам Тимоти Лири, Веселым проказникам и т.п. Усложнение интертекста неизбежно ведет к усложнению его интерпретации. Добавим, что в работе не всегда учитывается, что элементы интертекста включаются в некую иерархию – от цитат и реминисценций, реализуемых в минимальном контексте и выполняющих вспомогательную функцию, до философского подтекста, реализуемого в рамках произведения и – шире – творчества писателя.

Го Вэй очень тщательно проанализировала элементы китайской философской традиции в произведениях Пелевина. Упущением на этом фоне выглядит отсутствие интерпретации упомянутого в рассказе «Запись о поиске ветра» иероглифа «Синь». Как пишет Пелевин, «для высшей основы нет знака. Есть иероглиф «Синь», но ведь, глядя на него, мы видим не скрытую основу всего, а только черные разводы туши». Несмотря на иронический контекст, в который встраивается упоминание «Синь», представляется, что благодаря элементу «сердце», являющемуся в иероглифе ключевым и относящему выраженное им понятие к эмоциональной сфере, данный иероглиф участвует в реализации дзен-буддистского подтекста, где истина постигается сердцем. К мелким недочетам следует отнести упоминание Сократа в связи с миром идей (с. 118), в то время как Сократа волновали другие проблемы, в первую очередь – этические.

Высказанные соображения ни в коей мере не являются перечислением недостатков, скорее приглашением к дальнейшему исследованию, перспективы которого заложила диссертация Го Вэй. Представленная к защите работа является ценным вкладом в изучение творчества Виктора Пелевина, литературы постмодернизма и постпостмодернизма, межкультурного диалога и теории интертекста. Это серьезное исследование, свидетельствующее об эрудированности и научной зрелости диссертанта. Достоверность научных результатов обеспечена теоретико-методологической базой и убедительным анализом. Список использованной литературы включает не только около 100 наименований критической литературы, но и около 30 китайских литературных источников. Основные положения и выводы диссертации получили отражение в публикациях автора в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что диссертация Го Вэй на тему: «Классическая китайская литература и философия в творчестве В.О. Пелевина» представляет собой законченное научное исследование и соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете»,

а соискатель Го Вэй заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Бугаева Любовь Дмитриевна

18 августа 2021 года